

Военное дело кочевников Казахстана в литературе 1920 – 1960-х гг.

Т. К. Алланиязов

*Жезказганский университет им. О. А. Байконурова,
Республика Казахстан*

Аннотация

В статье рассматривается литература 1920–1960-х годов посвященная истории военного дела кочевников Казахстана. Проанализированы исследования и публикации по теме посредством характеристики их источников, структуры и проблематики, описания содержания глав и разделов, определения их научной новизны и вклада в историографию проблемы. Сформулирована значимость рассматриваемых работ для поступательного развития историографии проблемы, обогащения научных представлений о характере и содержании истории военного дела кочевников Казахстана. Содержание работ показывает направления исследовательских интересов, векторы которых характеризуются разными значениями. Анализ работ позволяет представить качественные характеристики литературы 1920–1960-х гг. по истории военного дела кочевников Казахстана. Исследования и публикации демонстрируют наличие в рассмотренном хронологическом периоде переходов от узкого круга работ с ограниченной тематикой в сторону расширения проблематики научного поиска посредством изучения военной организации и базовых основ генезиса военного дела кочевников, а в последующем разработки ключевых компонентов проблемы: основные виды оружия, формы военной организации, состав войска, характер применения вооружения. В своей совокупности исследования и публикации 1920–1960-х гг. заложили концептуальные основы историографии военного дела кочевников Казахстана.

Ключевые слова

Военное дело, историография, оружие, организация, состав.

Для цитирования

Алланиязов Т. К. Военное дело кочевников Казахстана в литературе 1920 – 1960-х гг. // *Universum Humanitarium*. 2022. № 1. С. 228–251.
DOI 10.25205/2499-9997-2022-1-228-251

Military affairs of Kazakhstan nomads in the literature of 1920s–1960s

T. K. Allaniyazov

*Zhezkazgan Baikonurov University,
Republic of Kazakhstan*

Abstract

The paper considers the publications and reference sources of the 1920s–1960s dedicated to the history of the military affairs of the nomads of Kazakhstan. Researches and publications on the topic have been analyzed by characterizing their sources, structure and problems, describing the content of chapters and sections, determining their scientific novelty and contribution to the historiography of the problem. The significance of the works under consideration for the progressive development of the research problem historiography, the enrichment of scientific ideas about the nature and content of the history of military affairs of Kazakhstani nomads is formulated. The content of the works shows the trends of research interests, the vectors of which are characterized with values diversity. The research findings are that the analysis of the works prompts us to present the qualitative characteristics of the publications of the 1920s–1960s on the history of military affairs of the nomads of Kazakhstan. The author comes to the conclusion that: a) research and publications demonstrate the presence of transitions in the considered chronological period from a narrow range of works with limited topics towards expanding the scope of scientific research, through the study of the military organization and the basic foundations of the genesis of nomadic military affairs, and subsequently the development of key components of the problem: the main types of weapons, forms of military organization, the composition of the troops, the nature of the use of weapons; b) as a whole, the studies and publications of the 1920s–1960s laid the conceptual foundations for the historiography of the military affairs of the nomads of Kazakhstan.

Keywords

Military affairs, historiography, weapons, organization, composition.

For citation

*Allaniyazov T. K. Military affairs of Kazakhstan nomads in the literature of 1920s–1960s // Universum Humanitarium. 2022. № 1. P. 228–251.
DOI 10.25205/2499-9997-2022-1-228-251*

Введение

Изучение истории военного дела кочевников Казахстана приобретает особое значение, так как позволяет существенно продвинуться вперед в решении задачи глубокого и всестороннего раскрытия вклада кочевников в мировую цивилизацию.

Важной составной частью изучения темы является ее разработка в историографическом аспекте. Это дает возможность проследить эволюцию историографии проблемы, вычленив ее этапы, определить место и роль отдельных исследований и публикаций в поступательном развитии историографии проблемы. Одно из главных мест в многолетнем процессе изучения истории военного дела кочевников Казахстана принадлежит периоду, охватывающему время с начала 20-х годов по конец 60-х годов XX столетия. Именно в этот период были сформулированы наиболее ключевые характеристики, отражающие сущность военного дела кочевников Казахстана. Этим и обусловлена актуальность предлагаемой статьи, в которой представлена характеристика работ, опубликованных в указанный период, выявлены направления и результаты исследовательских интересов, определены место и роль отдельных исследований и публикаций в поступательном развитии изучения темы.

Материалы и методы

Историографическими источниками данного исследования послужили опубликованные в период с 1920-х по 1960-е годы исследования и публикации по истории военного дела кочевников Казахстана. В работе применены общенаучные принципы историзма и объективности в изучении процессов, связанных с разработкой истории военного дела кочевников Казахстана.

Результаты

В начале 1920-х гг. потребности в теоретическом обосновании необходимости формирования национальных казахских воинских частей обусловили появление статьи А. Рязанова [Рязанов, 1924. С. 29–42]. Здесь во взаимосвязи были рассмотрены вопросы формирования исторического типа и характера казахского воина, состояние вооруженных сил и форма военной организации казахских ханов, стратегия и тактика военных действий, в частности военное искусство Тевкель-хана, проявленное в ходе осады Бухары, и Джахангир-хана в борьбе против джунгар.

Ценность данной работы, во-первых, в том, что автор дал первое в послеоктябрьской историографии Казахстана описание военного искусства казахов в XVI–XIX вв. Опираясь на исследование М. И. Иванина [Иванин, 1875], А. Рязанов охарактеризовал метод ведения «малых войн», использованных Срымом Датовым, Кенесары

Касымовым, Исетом Кутебаровым, описал тактику военных действий казахов против казачьих укрепленных линий. Во-вторых, с появлением публикации А. Рязанова, где был затронут вопрос о влиянии национально-психологических особенностей и традиций народа, уровня его социально-экономического развития на специфические черты вооруженной борьбы, в складывавшейся историографии военного дела кочевников Казахстана был сделан шаг в определении этапов и закономерностей его развития.

Некоторые сведения о военной истории и вооружении казахов XVI–XVIII вв. были приведены в работе А. П. Чулошникова [Чулошников, 1924]. Автор описал тактику Джахангир-хана в войне с джунгарами, затронул вопрос о сложении института тюленгутства — военной дружины ханов и, вслед за А. Левшиным [Левшин, 1832], изложил положение хана Тауке, вменявшее в обязанность казахам носить оружие, что давало право голоса.

Исследование истории военного дела кочевников Казахстана в советской исторической науке, начавшееся с публикации А. Рязанова, было прервано на десятилетия в силу известных процессов и явлений, развернувшихся в 1920–1930-е гг. в СССР.

Вопрос о теоретической и практической ценности подобных исследований был снят с повестки дня. Так, в книге С. Д. Асфендиярова [Асфендияров, 1935. С. 19, 82, 95, 189] лишь вскользь говорится о вооружении и тактике хуннов, бегло упоминается наличие военных дружин у казахских ханов XVI в. и кратко описывается оружие и численность войск Кенесары.

Однако обстоятельства военного времени, на наш взгляд, не могли не обусловить заметного внимания военно-историческим аспектам в книге, вышедшей под редакцией М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой [История Казахской ССР, 1943]. Авторы уже в предисловии подчеркивали, что «боевые традиции казахского народа создавались еще в глубокой древности», а «борьба за независимость выдвигала таких крупных политических деятелей и полководцев, как Кенесары Касымов» [История Казахской ССР, 1943. С. 7]. В книге приводятся факты, характеризующие военное дело саков, хуннов, усуней, описываются военные действия Тевкель-хана, Джахангир-хана, Аблай-хана, Срыма Датова, Исатая Тайманова. Заслуживает внимания специально выделенный раздел о военно-полководческом искусстве Кенесары Касимова, а также описание тактики восставших адаевцев на Мангышлаке и военного искусства А. Иманова.

Однаков уже в исправленном и дополненном издании «Истории Казахской ССР» [История Казахской ССР, 1949] заметно сокращен

и приглушен материал о военном искусстве казахов. Так, например, военно-полководческое искусство Кенесары Касымова не выделяется в специальный раздел, сведения о нем растворены в разделе «Военные действия 1844–1845 гг.». Эта традиция была продолжена и в следующем издании «Истории Казахской ССР» [История Казахской ССР, 1957], где о движении Кенесары Касымова говорится очень скупое, сжато, в негативном тоне. Этот недостаток компенсируется стремлением авторов охарактеризовать на основе археологического материала вооружение усуней, кангюйцев, других племен VI–VIII вв., а также цитированием выдержек из сочинения Рузбехана, в котором приводятся данные о военной системе казахов XVI в. [История Казахской ССР, 1957. С. 49, 51, 77, 147, 318–321].

Заслуживает внимания статья В. Н. Куна [Кун, 1947. С. 15–32], где были рассмотрены основные черты военной организации средневековых кочевых народов Средней Азии. Автор, опираясь на исследования геоботаников, высказал интересные суждения и оценки условий, характера и основных черт кочевого скотоводческого хозяйства в евразийских степях. Это послужило основой для выводов об ареале распространения наиболее боеспособных кочевых масс коневодов, пределах и направлении их кочевий, сезонности их грозных набегов. Обобщая материалы летописей и хроник (русские, армянские, арабские, персидские), научных исследований предшественников (Паллас, Радлов, Васильевский, Левшин, Владимирцов и другие), В. Н. Кун высказал ценные наблюдения о характере и структуре вооруженных сил кочевых народов, определяемых родоплеменным строем. «Властно отражаясь на всей структуре общественного быта, – подчеркивал автор, – род в основном определял собой и характер вооруженных сил кочевых союзов. Вот почему вооруженные силы кочевых народов всегда имели массовый характер и по самой своей структуре способны были охватить всю массу. В каждом случае колеблется количество бойцов, призываемых к оружию, определяясь нуждами войны, но это не меняет массового характера вооруженных сил, поставляемых родовыми союзами». Родовой же строй, по мнению автора, питал и нравы кочевников, возводивших в доблесть любые средства борьбы [Кун, 1947. С. 26–27].

Весьма важными являются суждения и выводы автора по вопросу организации (общее руководство и планирование), способах проведения (центр, правое и левое крыло) и условиях (быстрота, координация и слаженность движения) облавной охоты у кочевых народов, а также ее военного значения [Кун, 1947. С. 20–22].

Что касается военного искусства и вооружения кочевников, то В. Н. Кун, опираясь на исследование М. И. Иванина, дает лишь сжатую и обобщенную характеристику их тактики и стратегии. Здесь важно отметить, что автор прямо связывает принцип окружения противника с опытом облавной охоты. С этим же опытом был связан и боевой порядок, применявшийся войсками кочевников, который состоял в разделении на центр и два крыла [Кун, 1947. С. 28–29].

Появление публикации В. Н. Куна свидетельствовало о нарастающем внимании исследователей к проблеме военного дела кочевых народов Средней Азии и Казахстана, расширении проблематики научного поиска, направленности вектора военно-исторических изысканий в сторону изучения военной организации, нащупывания базовых основ генезиса военного дела кочевников.

Прорыв в изучении истории военного дела народов Средней Азии и Казахстана осуществил А. А. Росляков [Росляков, 1951, 1962]. И хотя военное дело собственно казахов не стало предметом исследования А. А. Рослякова, в целом его работы и прежде всего статья о военном искусстве заслуживают высокой оценки.

К моменту написания статьи, характеризующей военную систему азиатских степняков, в арсенале А. А. Рослякова уже имелась публикация, посвященная истории военного искусства туркмен [Росляков, 1947]. В ней в самых общих чертах был намечен не только ключевой аспект военного искусства туркмен, но и заложены контуры военной системы азиатских кочевников, которые спустя четыре года нашли свое наиболее полное воплощение в специальной статье [Росляков, 1951]. В ее основу были положены сведения, почерпнутые из опубликованных в 1920–1940-е гг. трудов виднейших историков и археологов СССР – М. И. Артамонова, Б. Д. Грекова, А. Ю. Якубовского, А. В. Арциховского, Г. Е. Грум-Гржимайло, В. Д. Блаватского, В. А. Струве, С. П. Толстова, Б. А. Тураева, М. Вяткина, А. Н. Бернштама, Б. Я. Владимирцова, Б. Джамгерчинова, С. В. Киселева, П. К. Козлова, М. Н. Козьмина, Б. З. Рабиновича, Е. Разина, С. И. Руденко, Г. П. Сосновского, М. Г. Рейсера, С. А. Козина. Кроме того, им были широко использованы материалы дореволюционных историков, занимавшихся историей военного дела: Н. П. Михневича, А. Пузыревского, М. И. Маркова, М. И. Иванина, а также В. Г. Васильевского, П. В. Голубовского, А. С. Лаппо-Данилевского, Д. Н. Анучина. Активно А. А. Росляков опирался на труды античных историков (Геродот, Плутарх, Тацит, Арриан), византийские, арабские, персидские и китайские источники, изданные в ряде сборников материалов и сведений. Всего автором было использовано более 50 разноплановых

по характеру, содержанию и тематике научных работ, хрестоматий и сборников материалов. Результатом аналитико-синтетической работы явилось конструирование принципиально новой для того времени научной модели, на основе которой были сформулированы суждения, характеризующие структуру и содержание «степной военной системы».

Под «степной военной системой» А. А. Росляков понимал «определенное единство состава и организации войска, характера войн, типа вооружения и снаряжения, а также приемов ведения войн и боя, которое существовало у кочевых племен Азии, Восточной Европы и Северной Африки» [Росляков, 1951. С. 11].

Автор проследил эволюцию степной военной системы, зарождение которой он относит к скифскому периоду, отмечая, что именно «скифы показали классический образец степной войны в своей борьбе с Дарием Гистаспом в 513 году до н. э.» [Росляков, 1951. С. 12]. Но у скифов были видны черты незавершенности степной военной системы в виде наличия пехоты и акинаков. Состав их войска и вооружение определяли и соответствующие приемы боя.

Следующий этап в развитии степной военной системы автор связывает с сарматами, парфянами и хунну, у которых появляется тяжеловооруженная панцирная конница. Из названных этносов лишь военное искусство парфян, сочетавших лучшие стороны военного искусства хунну (конное войско, широкое использование метательного оружия, высокая подвижность) и сарматов (могучий натиск панцирной конницы в рукопашном бою) явилось наиболее совершенным вариантом степной военной системы [Росляков, 1951. С. 13].

Завершающий этап сложения степной военной системы А. А. Росляков связывает с продвижением части хунну, а позднее тюркских племен на запад и смешением их с сармато-аланскими племенами, что привело к синтезу обоих, сарматского и хуннского, вариантов степной военной системы. К этим наблюдениям туркменский историк добавляет суждение о том, что «в V–VII вв. н. э. уже складывается единый тип вооружения и снаряжения конного воина от Северного Кавказа до Монголии» [Росляков, 1951. С. 13]. Данное суждение автор формулирует исходя из довоенных наработок советской исторической науки, в частности исследований С. П. Толстова [Толстов, 1939].

Таким образом, автор в процессе анализа эволюции степной военной системы в самых общих чертах обозначил важный фактор её генезиса – этнополитические процессы, которые протекали в рассматриваемый период на пространствах степного пояса Евразии.

Отметив, что степная военная система пережила свой расцвет в V–XIV вв. н. э., А. А. Росляков на основе широкого обобщения достижений советской исторической науки формулирует основные черты степной военной системы, сведя их в семь пунктов.

В самом сжатом виде ее можно представить следующим образом: массовое и подвижное конное войско, созданное на основе поголовного ополчения; сохранение родоплеменных отношений определяло то, что каждая отдельная группа являлась ополчением какого-либо рода или племени; используется оружие дальнего и ближнего боя, а также защитное вооружение у дружинников; тщательная подготовка и искусное ведение боя, с гибким сочетанием стрелкового боя в рассыпном строю и стремительной атаки плотных отрядов, с широким маневром конных масс, неотступным преследованием, охранением и разведкой; обычным явлением были грабительские набеги.

Подчеркивая значение степной военной системы, автор отметил, что «она оказала серьезное влияние на военное дело в соседних странах – в Китае, Иране, Византии и Руси (особенно с XIII в.), вызывая повсюду создание и развитие конницы, особенно конных лучников» [Росляков, 1951. С. 15].

Ценными являются суждения А. А. Рослякова относительно характеристики степной военной системы в период XIV–XVIII веков, когда она претерпевает некоторые изменения, выражавшиеся в том, что «массовое родоплеменное ополчение отступает на второй план, оттесняемое дружинами: казахские тюленгуты, узбекские нукеры, монгольские „латники“. ...Степные армии теряют свой массовый характер, родоплеменную сплоченность и связанную с этим огромную наступательную мощь». Причины этих изменений автор справедливо усматривает в том, что «большинство степных народов переживает расцвет феодализма» [Росляков, 1951. С. 15], который, как известно, сопровождался ослаблением центральной власти со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Закат степной военной системы А. А. Росляков связывает с развитием огнестрельного оружия и созданием в ряде государств постоянных и регулярных армий, что поставило «технически отсталые и необученные дружины степных феодалов в невыгодное положение» [Росляков, 1951. С. 15].

Определяя значительные изменения, произошедшие в степной военной системе, автор указывает на следующие характерные моменты: «Былое военное искусство степняков все больше сводится к искусству дерзкого набега, масштабы операций уменьшаются, бой уступа-

ет место измору (например, во время движения Кенесары Касымова в 1837–1847 гг.)» [Росляков, 1951. С. 15].

Завершая свою публикацию, А. А. Росляков подчеркнул, что степное военное искусство в конце XIX в. «вообще исчезает как самостоятельная ветвь военного искусства». Однако «его пережитки, порой очень ценные и жизнеспособные, сохранились в ...военных делах русского казачества, военных приемах повстанцев 1916 года в Средней Азии» [Росляков, 1951. С. 16].

Тем самым автор предвосхитил появление спустя шесть десятилетий исследований, в которых нашли свое воплощение его прозорливые суждения, касающиеся военного дела русского казачества [Бобров, 2012, 2013, 2014]. Главный тезис этих исследований был сформулирован в коллективной работе новосибирских оружейников, где отмечалось, что комплекс вооружения и ряд известных тактических схем российских казаков XVIII–XIX вв. сложились под влиянием военного дела кочевых народов (в первую очередь калмыков и казахов) [Бобров и др., 2008. С. 128].

Вышесказанное дает основание утверждать, что работа А. А. Рослякова для своего времени была по сути прорывной, так как наметила контуры проблематики исследований по истории военного дела кочевников Евразии. Значение работы А. А. Рослякова состоит в том, что сформулированные в ней суждения и выводы о характере и содержании степной военной системы, этапах ее эволюции явились краеугольным камнем в историографии проблемы военного дела кочевников степей Евразии и заложили концептуальные основы историографии военного дела кочевников Казахстана.

Концептуальные наработки, касающиеся военной системы азиатских степняков, были положены в основу опубликованной в 1962 г. развернутой статьи, где был дан детальный и всесторонний анализ развития военного искусства народов Средней Азии и Казахстана в период с VI по XV в. Не случаен был выбор указанного хронологического периода, который практически совпадает с периодом расцвета степной военной системы. Автор расширил диапазон источников за счет привлечения эпических и изобразительных материалов.

Работа определенным образом структурирована, что позволило её автору последовательно рассмотреть ряд ключевых вопросов темы. Судя по содержанию девяти разделов, автор выделяет следующие аспекты: предпосылки и условия развития военного искусства, военная история, военное право, военная организация и состав войска, вооружение, эволюция форм вооруженных сил, военное зодчество и осадное искусство, характерные черты военного искусства, страте-

гия ведения войн, тактика боевых столкновений, связь и управление войсками, организация разведки и охранения.

Ценность исследования А. А. Рослякова заключается прежде всего в стремлении осуществить комплексный подход в освещении истории военного искусства. Автор выявил и проанализировал социально-экономические, политические и географические предпосылки и условия развития военного искусства народов Средней Азии и Казахстана в обозначенный хронологический период. Примечательно, что историю военного искусства А. А. Росляков дает на фоне наиболее крупных событий военной истории Средней Азии и Казахстана, подчеркивая ее сложность и насыщенность событиями, акцентируя внимание на характере войн.

В процессе исследования автором использовался проблемно-хронологический принцип изложения материала, а также сравнительно-сопоставительный метод, что позволило выявить те или иные качественные изменения в эволюции ключевых компонентов военного дела народов Средней Азии и Казахстана в рассматриваемый тысячелетний хронологический период, раскрыть общее и особенное военного искусства, специфику военного искусства кочевников, его роль и значение в развитии военного дела народов Средней Азии и Казахстана.

Предваряя исследование основных вопросов темы, автор обратил внимание на военную идеологию, подчеркнув при этом, что оседлые народы региона имели разработанную систему военного права, а также начатки военной теории, «нашедшие свое отражение в сасанидском военном трактате “Аин-намэ” и в трактате XII века “Джами-ал-улум”» [Росляков, 1962. С. 206]. Характеризуя военную идеологию и военное право, автор делает ценное наблюдение относительно кочевых народов, не создавших военной теории, но выработавших богатую военную традицию, «которую вожди и воины хорошо знали, бережно хранили, обогащали новым боевым опытом». Касаясь военного права кочевников, А. А. Росляков высказал интересное мнение о том, что «некоторые элементы военной традиции и особенно их военного права сохранились в огузских военных установлениях и военных обычаях, к сожалению, почти не дошедших до нас, а также в знаменитой “Ясе” (установлениях) Чингис-хана, сохранившейся в отрывках и пересказах» [Росляков, 1962. С. 206].

Обобщив данные широкого круга летописей, хроник, материалов археологических и исторических исследований, а также эпических и изобразительных источников, А. А. Росляков подробно рассмотрел состав и способ комплектования среднеазиатских феодальных

армий, сделал ценные замечания относительно ополчения кочевых племен, составлявших основу отрядов легкой конницы, вооружения и тактики средневековых воинов-кочевников.

Так, основу среднеазиатских армий в VI–XV вв. составляло феодальное ополчение. При этом отмечено, что в период существования относительно централизованных и крепких феодальных монархий «большое значение имело постоянное войско, составлявшее в IX–XI вв. ядро армии» [Росляков, 1962. С. 208].

Ополчение кочевых племен составляло основу войска, а у племен, населявших Казахстан, почти все войско состояло из подобных ополчений. Состав его, как показал А. А. Росляков, был неоднородным: «С одной стороны, в него входила степная знать со своими дружинниками, с другой – основная масса ополчения состояла из рядовых кочевников» [Росляков, 1962. С. 212]. Сложный характер ополчения степных племен автор объясняет с марксистских позиций, указывая на господство «у них патриархально-феодальных отношений, некоторую неразвитость и нечеткость классовой структуры общества, замаскированность классового характера общественных отношений архаическими родоплеменными формами». Но эта позиция не помешала А. А. Рослякову, хотя и с оговоркой, признать очевидное: «Крестьяне отсталых кочевых и полuosедлых племен сохранили право (и даже были обязаны) иметь оружие, *сохраняли военную организацию* (курсив наш. – Т.А.), которая, впрочем, полностью находилась в руках феодально-родовой знати» [Росляков, 1962. С. 212].

Здесь, в отличие от предыдущей статьи, появляется термин «военная организация». Правда, нет четкой характеристики понятия. При этом остается лишь догадываться, почему А. А. Росляковым вообще не были учтены наработки В. Н. Куна, хотя во многом их взгляды носят тождественный характер.

Рассматривая эволюцию состава войска, автор в развернутой форме обосновал выдвинутое в предыдущей статье суждение о постепенном, начиная с XIV–XV вв., переходе от поголовного родоплеменного ополчения кочевых племен к феодальным ополчениям. Позднее, в XVII–XIX вв., в степных войсках главное значение приобрели дружины тюленгутов [Росляков, 1962. С. 213].

Основным родом войск была конница – как тяжеловооруженная в среднеазиатских армиях, так и легковооруженная, составлявшая основную массу ополчения кочевых племен. Эти наблюдения автор обосновывает с помощью привлечения не только письменных, но и изобразительных (восточные миниатюры), и эпических материалов [Сокровенное сказание, 1941; Росляков, 1962. С. 213–214].

Касаясь численности среднеазиатских армий, А. А. Росляков обратил внимание на сложность данного вопроса, заключавшегося в отсутствии документальных данных и сомнительности данных средневековых хроник. С учетом этого автор сделал ценное замечание, касающееся методов работы с историческими источниками при создании военно-исторического труда: необходимо сопоставлять наиболее достоверные знания и широко привлекать сравнительно-исторический материал [Росляков, 1962. С. 216]. К примеру, численность войск карлуков Тохаристана в VII в. определялась китайскими хрониками (летопись Тан-шу) в 100 тысяч, что, по справедливому мнению автора, «несомненно, преувеличено» [Росляков, 1962. С. 216].

Значительное внимание автором было уделено характеристике вооружения среднеазиатских воинов: сложносоставному луку и колчану со стрелами, которые с ножом или кинжалом составляли саадак – полный комплект основного оружия воина; саблям, начавшимся в VI–VIII вв. распространяться в центрально-азиатских степях, повсеместно распространенному в этот же период мечу с перекрестием, который «в Средней Азии был вытеснен саблями лишь в послемонгольский период». По мнению А. А. Рослякова, слабоизогнутая сабля получила всеобщее распространение в среднеазиатских феодальных армиях в XIV–XV вв., а «классические кривые сабли (персидские и турецкие) появились, видимо, не ранее конца XVI в.» [Росляков, 1962. С. 219]. Отметив большое значение булавы, которая получила широкое распространение среди кочевников, автор обратил внимание на то, что булава заменяла «до известной степени саблю в качестве оружия рукопашного боя» и иногда имела «каменное навершие». Не обошел вниманием автор и наличие копья, широко применявшегося среднеазиатскими воинами, а также способ держать его – прижимая к боку локтем правой руки [Росляков, 1962. С. 219].

Опираясь на изобразительные источники [Толстов, 1948. С. 440; Гумилев, 1949. С. 233], А. А. Росляков высказал ряд ценных наблюдений о защитных доспехах VI–XV вв. Так, вплоть до VIII–IX вв. в среднеазиатском защитном вооружении «преобладал доспех из мелких стальных пластинок различной величины и формы». Основную часть доспеха составляла «длинная панцирная рубаха, закрывавшая корпус и ноги до лодыжек; иногда делалась короче – до колен». В IX–X вв. «чешуйчатый доспех начинает вытесняться кольчугой, которая вследствие своей легкости, эластичности и прочности вскоре стала основным видом доспеха и держалась в Средней Азии до середины XIX века» [Росляков, 1962. С. 220].

Характеризуя защитное вооружение головы, автор указывает на наличие шлема «плавно-вытянутой формы», снабжавшегося «наушниками, назатыльником и кольчужной сеткой; лицо оставалось полуоткрытым». Что касается степных воинов, то они, как отмечал А. А. Росляков, «вместо шлема иногда носили обычную шапку, покрытую металлическими пластинками» [Росляков, 1962. С. 220].

Шестой раздел статьи автор посвятил эволюции среднеазиатских феодальных армий. Остановливаясь на вопросе развития войска кочевых племен на территории современного Казахстана, А. А. Росляков в более развернутой форме изложил суждения, высказанные им по этому поводу в своей предыдущей публикации и в четвертом разделе. При этом было сделано важное замечание о том, что «об организации войска никаких данных нет; очевидно, она соответствовала родоплеменной структуре» [Росляков, 1962. С. 224].

Восьмой и девятый разделы посвящены изложению вопросов военного искусства. Автор верно подметил характерную черту военного искусства среднеазиатских народов: «сочетание в нем военных приёмов кочевых скотоводческих племён с военными приёмами оседлых земледельцев». При этом особо было подчеркнуто, что «влияние военного искусства кочевников на военное искусство населения земледельческой полосы было гораздо более значительным, хотя имело место и обратное влияние» [Росляков, 1962. С. 230].

Характеризуя войны степняков против соседей-кочевников, автор подробно останавливается на таком приеме как внезапность. Нормой были нападения ночью или на рассвете, а также в тот момент, когда вражеское войско уходило на войну и в кочевьях оставалось небоеспособное население. Другой распространенный прием состоял в беспрестанных набегах с целью вынудить враждебные племена «уступить часть территории или даже подчиниться более сильному противнику» [Росляков, 1962. С. 231].

Описывая военные действия кочевников против феодальных государств земледельческой полосы, автор обратил внимание на действия в ходе вторжения: нападение сомкнутой массой или колоннами при обязательном охранении и разведке; засылка отрядов вглубь территории; решительное боестолкновение и обязательное преследование разбитого противника в случае успеха. При этом было подмечено следующая особенность размаха преследования, которая зависела от целей нападения: «В условиях похода с целью грабежа преследование велось гораздо менее настойчиво, чем при вторжении с целью завоевания страны» [Росляков, 1962. С. 232].

Вся война у кочевников, таким образом, строилась на «широком маневре как отдельных отрядов, так и крупных масс конницы, на внезапных решительных ударах, на широком применении набегов как одного из средств, способных измотать противника и подорвать его способность к сопротивлению» [Росляков, 1962. С. 234].

Характеризуя боевые приемы народов Средней Азии в VI–XV вв., А. А. Росляков подчеркнул, что здесь искусство боя стояло высоко и было «основано на широком применении маневра, на взаимодействии между конными лучниками и ударным отрядом панцирной конницы, а также во взаимодействии конницы и пехоты», а это, в свою очередь, «требовало сложных и гибких боевых порядков, хорошо организованного управления и связи». Алгоритм боя включал в себя следующие составные элементы: 1) стрельба из луков, которая велась во время атаки, продолжалась во время преследования и во время отхода; 2) непосредственная рукопашная схватка, в которой основная роль отводилась дружине панцирных всадников [Росляков, 1962. С. 236].

Указав на то, что чрезвычайно характерной чертой тактики среднеазиатских армий, как и кочевников, было «умелое и широкое маневрирование на поле боя», А. А. Росляков, цитируя «Бабур-намэ», обратил внимание на такой тактический прием как «тулгама» (обход). Широкое применение маневра в бою требовало и соответствующего боевого порядка – гибкого и устойчивого, всегда расчлененного по фронту и в глубину [Росляков, 1962. С. 236–237].

Обобщая данные письменных источников, автор дал подробное описание структуры, схемы построения, численности и названия основных тактических единиц, а также алгоритма боя. Так, основной тактической единицей был отряд числом от нескольких десятков до 3–4 сотен всадников, имевших свое знамя. Этот отряд автор обозначил терминами «курдус» и «кошун», он являлся «ополчением какого-либо рода или небольшого племени». Основными боевыми порядками такого отряда были лава и колонна: первая применялась для подготовки атаки стрельбой из луков при преследовании и отходе, вторая – для атаки. Все войско делилось на четыре части: «...авангард, правое и левое крыло и центр, состоявший главным образом из панцирной конницы и располагавшийся позади войск правого и левого крыла; он играл также роль общего резерва». Каждый из этих отрядов строился в линию курдусов, оставляя между ними интервалы, необходимые для размыкания в лаву. Вперед высылались «караулы» – боевое охранение, которые завязывали бой, а затем в дело включались отряды обоих крыльев. Вожди находились позади

на возвышенности и управляли боем с помощью конных посыльных или зрительной сигнализацией. Сигнал атаки подавался барабанным боем, который был у каждого начальника отряда. Войска авангарда и крыльев стремились обойти или окружить противника. Решительный удар наносила панцирная конница [Росляков, 1962. С. 237–238].

Отметил А. А. Росляков и наличие у степняков такого приема, как притворное бегство в сочетании с засадами, который широко практиковался, и высказал ценное наблюдение, что данный прием вырос из практики набегов, «когда часть воинов захватывала добычу и уходила с ней, а другая стояла (обычно скрыто) в полной готовности поддержать нападавших и отразить удар преследователей» [Росляков, 1962. С. 238].

Завершая характеристику тактических приемов кочевников, А. А. Росляков подчеркнул, что «способность степной конницы к смелому и дерзкому маневру, широкое применение ею охватов, обходов, засад, окружения противника – все это заставляло вражеские армии действовать в борьбе со степняками очень осторожно и в полной готовности отразить неожиданный удар с любой стороны, что сильно затрудняло операции против кочевников» [Росляков, 1962. С. 239].

Подводя итоги своей новаторской, по нашему твердому убеждению, работы, туркменский историк отметил следующее: «Богатая событиями военная история народов Средней Азии в VI–XV вв. содержит много материала, интересного с точки зрения изучения общих закономерностей развития всего [военного] искусства. Изучение истории развития армии в Средней Азии VI–XV вв. позволяет внести немало нового в общую характеристику военной организации периода феодализма» [Росляков, 1962. С. 244].

Столь подробное изложение ключевых положений статьи А. А. Рослякова дает основание отметить следующие составляющие ее оценки, позволяющей определить роль статьи в поступательном развитии историографии военного дела кочевников Казахстана.

Первое. Несмотря на то, что в публикации автор при оценке кочевого способа хозяйственной деятельности использует терминологию, обусловленную господствовавшими в тот период марксистско-ленинскими теоретическими установками – «отсталые», «неразвитые» – характер и содержание работы, те высочайшие оценки, которые он широко и повсеместно дает военному делу кочевников, свидетельствуют о его подлинном отношении к кочевой цивилизации, которое ученый, соблюдая правила игры, вынужден был маскировать, используя традиционный набор марксистской лексики.

Второе. Невзирая на то, что источниковая база статьи отражала уровень развития исторической науки 1930–1940-х гг., автор благодаря предпринятому им глубинному анализу источников, синтезу извлеченного массива фактического материала, его широкого обобщения, осуществил качественный сдвиг в научных представлениях об основных компонентах военного дела народов Средней Азии и Казахстана в VI–XV вв.

Третье. Структура работы свидетельствует о наличии у автора четких представлений об основных аспектах военного дела в целом и военного дела кочевников в частности: военная идеология вкупе с военной теорией и правом, военная организация, состав вооруженных сил, вооружение, стратегия ведения войн и тактическое искусство.

Четвертое. Названные выше представления обусловили комплексный характер работы, который позволил последовательно поставить и в основном решить ряд задач, связанных с определением характера и существа военного дела народов Средней Азии и Казахстана.

Пятое. По сравнению с предшествующей работой, существенно (за счет изобразительных и эпических материалов) расширен круг источников, привлекаемых автором для реконструкции истории военного искусства.

Шестое. Наблюдения автора, его суждения и выводы об изменениях военной системы кочевников Азии, эволюции их военного искусства особенно ценны и до настоящего времени не потеряли своей значимости.

Сформулированные нами оценки всецело исходят из принципа историзма, учета обстоятельств (отсутствие устоявшихся историографических традиций, связанных с разработкой военного дела народов Евразии в целом и кочевников Казахстана в частности) и времени (конец 1950-х – начало 1960-х годов) создания работы, возможностей источниковой базы, а также достигнутых результатов в реконструкции в самом общем виде основных контуров истории военного дела народов Средней Азии и Казахстана в VI–XV вв. С учетом того, что к началу 1950-х гг. системные археологические изыскания степного пояса Евразии находились в начальной стадии, а их результаты, в частности по оружейным артефактам, еще не были систематизированы и обобщены в виде корпуса вещественных источников, исследователи военной истории, и в частности А. А. Росляков, вынужденно ограничивались лишь письменными источниками. К этому следует добавить, что в практике советских военно-исторических исследований 1920–1950-х гг. привлечение вещественных и особенно изобразительных источников оставляло желать лучшего по целому ряду

причин как объективного, так и субъективного характера. Эти обстоятельства заметно суживали возможности привлечения для реконструкции различных аспектов военного дела всего комплекса исторических источников.

Проблемы истории военного дела кочевников Казахстана стали интенсивно разрабатываться в связи исследованием вопросов участия казахского народа в Крестьянской войне 1773–1775 гг. под руководством Е. Пугачева, начало которым было положено еще в 1920-е гг. публикациями А. Рязанова [Рязанов, 1924, 1925] и А. Чулошникова [Чулошников, 1929]. В работах Е. Б. Бекмаханова, Г. И. Семенюка [Бекмаханов, Семенюк, 1963], Н. Е. Бекмахановой [Бекмаханова, 1968] в контексте военных действий примкнувших к восстанию казахов было уделено внимание военной организации повстанцев, тактике султана Аблая, подобраны сведения о ряде вооруженных сражений, в которых принимали участие казахи, дан детальный анализ военных действий, изложено вооружение и тактика казахских отрядов в годы восстания.

Характеризуя поступательное развитие историографии военного дела кочевников Казахстана, особо следует выделить интересную и содержательную статью Г. И. Семенюка, в которой оружие, военное искусство и военная организация казахов в XVII–XIX вв. стали предметом специального исследования [Семенюк, 1969]. Ценность статьи заключается в том, что ее автор осуществил скрупулезный анализ широкого круга документов и материалов, выявленных в фондах Архива внешней политики России и Государственного архива Оренбургской области, а также содержащихся в документальном сборнике «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.» [Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв., 1961]. Извлеченные из них и введенные в научный оборот сведения были существенным образом дополнены данными из более чем двадцати исторических, географических и этнографических исследований XVIII–XX вв., авторами которых были: Витзен, П. С. Паллас, С. Шмидт, И. Г. Андреев, А. И. Левшин, Ч. Ч. Валиханов, А. И. Савич, Л. Мейер, Красовский, Н. И. Гродеков, Н. Середа, С. Большой, Ф. Ефремов, С. Б. Броневский, Б. Адлер, Н. Г. Мякушин, А. Бирзе, А. А. Росляков, И. Г. Рознер.

На основе разнообразных сведений и фактических данных Г. И. Семенюк называет и частично описывает оружие, снаряжение и защитные доспехи казахов: луки простые и сложные («тюркские»), колчаны «курамсақ», стрелы с четырехгранными бронзовыми и железными наконечниками, копья с трехгранным железным наконечником, укрюки «курық», кривые сабли «кылыч», чеканы и топоры «ай-

балта», плети «камча», дубинки «сойыл», шлемы, кольчуги «саут», панцири, фитильные и кремниевые ружья. Большая часть вооружения была среднеазиатского (Хива, Бухара), калмыцкого, башкирского, монгольского, китайского, персидского и турецкого происхождения [Семенюк, 1969. С. 264–268].

Представляя характер и сущность военной организации и военного искусства казахов, автор указал на то, что они развивались под влиянием своеобразной хозяйственной жизни и социальной организации казахского народа. Постоянное войско отсутствовало, за исключением дружин тюленгутов и других феодально-зависимых людей у отдельных султанов и ханов. Ополчения собирались в случае организации набегов или непосредственной угрозы внешнего вторжения. При этом родоплеменная принадлежность определяла принцип формирования отдельных отрядов. В этих условиях «большие отряды могли быть созданы... лишь путем согласия феодально-родовой верхушки нескольких родов» [Семенюк, 1969. С. 269].

На войне, как показал Г. И. Семенюк, небольшие отряды ополчения возглавлялись старшинами, подчиненными хану, а «предводителями больших отрядов ополчений были султаны или прославившиеся уже батыры». При этом было отмечено, что каждый отряд имел свой родовой значок, а более крупные отряды, объединявшие воинов целого племени, – большое знамя (ту). Отряды имели свои боевые кличи (ураны), как правило, являвшиеся именем какого-нибудь предка или вообще уважаемого сородича [Семенюк, 1969. С. 269].

Таким образом, делает вывод автор, «длительное время сохранявшаяся родоплеменная структура казахского народа была одновременно и формой военной организации казахов. Это давало знати кочевых племен большую силу и вместе с тем создавало определенные преимущества на случай военных столкновений, чему способствовала также сохранявшаяся и в условиях мирного времени дозорная служба. С развитием феодальных отношений ополчение, однако, теряло свое значение, собиралось все реже» [Семенюк, 1969. С. 269–270].

Г. И. Семенюк показал, что тактика военных действий казахов была достаточно разнообразной и гибкой: стремительные конные атаки сочетались с отходом враспыленную, маневрирование с постоянным уклонением от боя, рассредоточение войск на небольшие отряды, обходы и охваты, окружения и засады, а также другие боевые «приемы, воспринятые из векового опыта набегов, охоты и междоусобиц» [Семенюк, 1969. С. 271].

Из вышеприведенных суждений Г. И. Семенюка, касающихся военной организации и военного искусства казахов, видно, что они в зна-

чительной мере являются обобщением ряда наблюдений и характеристик, которые были сделаны А. А. Росляковым. В связи с этим интересно привести оценки, которые были даны Г. И. Семенюком публикациям А. А. Рослякова: «Некоторые сдвиги в изучении проблемы наметились лишь в последнее время, с выходом в свет работ А. А. Рослякова “Основные черты военной системы азиатских степняков” и “Военное искусство народов Средней Азии и Казахстана в VI–XV веках”. В первой из них Росляков обращает внимание на преимущества и недостатки военной системы кочевников-степняков, особенности и основные черты, присущие в определенной степени военной организации казахов-кочевников в изучаемый нами период. Особенно ценны замечания автора об изменениях военной системы кочевников Азии в период расцвета у них феодализма – в XVI–XVIII вв. Однако военное искусство собственно казахов не стало предметом исследования Рослякова» [Семенюк, 1969. С. 263].

Характеризуя подход Г. И. Семенюка к оценке такого тактического приема, как маневрирование, следует обратить внимание на то, как автор трактует обусловившие его причины: «Преобладание маневрирования с постоянным уклонением от боя обусловливалось, очевидно, распространенностью в Казахстане феодальных по своему характеру войн, в которых не были непосредственно заинтересованы широкие слои населения, участвовавшие в них обычно в порядке феодальной повинности» [Семенюк, 1969. С. 270], при этом автор делает ссылку на страницу 13 статьи А. А. Рослякова «Основные черты военной системы азиатских степняков». Однако на странице 13 у А. А. Рослякова читаем прямо противоположное: «Основная масса населения (в V–XIV вв. – Т.А.) еще не лишена права носить оружия и участвовать в войне, хотя это право все более приобретает оттенок своеобразной отработочной повинности в пользу родоплеменной верхушки. Война часто еще затрагивает интересы племени в целом, что обеспечивает заинтересованность и активное участие в ней самых широких слоев населения; но на первое место постепенно выдвигаются феодальные войны с целью захвата земли и для последующей эксплуатации живущего на ней населения» [Росляков, 1951. С. 13].

Таким образом, подход Г. И. Семенюка к трактовке причин маневрирования не является объективным, а характер использования им цитированного суждения А. А. Рослякова далек от критического.

В заслугу автору следует поставить его внимание к вопросу о слабых сторонах военного искусства казахов-кочевников, вытекавших из родоплеменной структуры и принципа формирования народных ополчений. В частности, отмечал Г. И. Семенюк, «далеко не всегда

воины и родоначальники тех или иных родов откликались на призыв к ополчению. Родоплеменной принцип формирования народных ополчений затруднял общее управление войсками. Между отдельными отрядами нелегко было достичь согласованности действий». К этому автор добавляет «слабое развитие ремесел у казахов-кочевников», которое «все более отрицательно сказывалось на развитии их вооружения, качестве и количестве оружия по сравнению с вооружением оседлых народов» [Семенюк, 1969. С. 272].

В целом с публикацией работы Г. И. Семенюка научные представления об оружии, военной организации и военном искусстве казахов в XVII–XVIII вв. претерпели определенные качественные изменения. Этому во многом способствовал и ввод в научный оборот опубликованных и архивных документальных материалов, позволивших получить новые фактические данные и ценные сведения, извлеченные из широкого круга литературных источников.

Заключение

Представленный анализ исследований и публикаций показывает наличие в период с начала 1920-х до начала 1950-х гг. узкого круга работ с ограниченной тематикой. Лишь с появлением статьи В. Куна наблюдается некоторое расширение проблематики научного поиска, военно-исторические изыскания направляются в сторону изучения военной организации, базовых основ генезиса военного дела кочевников.

С начала 1950-х до конца 1960-х гг. благодаря исследованиям А. А. Рослякова и Г. И. Семенюка в историографии военного дела кочевников Казахстана были достигнуты заметные успехи. В том числе: а) выявлены и задействованы материалы письменных, археологических, этнографических и лингвистических источников; б) исследованы ключевые компоненты проблемы: основные виды оружия, формы военной организации, состав войска, характер применения вооружения; в) сформулированы этапы эволюции, характер и содержание степной военной системы; г) заложены концептуальные основы историографии военного дела кочевников Казахстана.

*Материал поступил в редакцию
Received
06.12.2022*

Список литературы

Асфендияров С. Д. История Казакстана (с древнейших времен). Алма-Ата; М., 1935. Т. 1. 228 с.

Бекмаханов Е. Б., Семенюк Г. И. Казахи в крестьянской войне 1773–1775 гг. // Учен. зап. КазГУ. Т. 54. Сер. Историческая. Вып. 12. Алма-Ата, 1963. С. 59–87.

Бекмаханова Н. Е. Участие казахов Среднего жуза в Крестьянской войне 1773–1775 гг. под предводительством Ем. Пугачева // История, философия, экономика. Алма-Ата, 1964. С. 104–117.

Бекмаханова Н. Е. Отголоски Крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева в Младшем жузе (1775 г.) // Обществ. науки. Вып. 7. Алма-Ата, 1965. С. 203–218.

Бекмаханова Н. Е. Участие казахов в осаде Оренбурга // Обществ. науки. Вып. 8. Ч. 2. Алма-Ата, 1965. С. 120–132.

Бекмаханова Н. Е. Легенда о Невидимке: (Участие казахов в Крестьянской войне под руководством Пугачева в 1773–1775 гг.). Алма-Ата: Казахстан, 1968. 280 с.

Бобров Л. А. О казахском влиянии на комплекс вооружения российских казаков в XVII – середине XIX в. // Наследие Л. Н. Гумилева и современная евразийская интеграция. Астана: Изд-во Евраз. нац. ун-та им. Л. Н. Гумилева, 2012. С. 62–64.

Бобров Л. А. Российские казаки и степной копейный бой XVII–XIX вв. // Источники по истории кочевников средневековой Евразии. Материалы VII Междунар. симп.: Тез. Звенигород: Изд-во Ин-та востоковедения РАН, 2013. С. 18–19.

Бобров Л. А. К вопросу об истоках конного копейного боя российских казаков второй половины XVII – первой половины XIX в. // *Parabellum novum*: Воен.-ист. журн. 2014. № 2 (35). С. 115–147.

Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. Спб., 1875. 254 с.

История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней // Под ред. М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой. Алма-Ата: Казогиз, 1943. 671 с.

История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. 2-е изд., испр. и доп. // Под общ. ред. И. О. Омарова и А.М. Панкратовой. Т. 1. Алма-Ата, 1949. 511 с.

История Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата: Наука, 1957. 519 с.

Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Сб. документов и материалов. Алма-Ата: Наука, 1961. 743 с.

Кун К. Н. Черты военной организации средневековых кочевых народов Средней Азии // Учен. зап. Ташкент. гос. пед. и учит. ин-та им. Низами. Сер. обществ. наук. Вып. I. Ташкент, 1947. С. 15–32.

Левшин А. И. Описание киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. III. СПб., 1832. 304 с.

Росляков А. А. Из истории военного искусства туркмен (организация преследования в войнах туркмен в XI–XII веках) // Тр. Ашхабад. пед. ин-та им. А. М. Горького. 1947. Вып. 1. С. 48–54.

Росляков А. А. Основные черты военной системы азиатских степняков // Изв. Туркмен. филиала АН СССР. 1951. № 2. С. 11–17.

Росляков А. А. Военное искусство народов Средней Азии и Казахстана в VI–XV веках // Учен. зап. Туркмен. гос. ун-та. Вып. 21. Ашхабад, 1962. С. 185–244.

Рязанов А. Исторические предпосылки к вопросу о формировании национальных киргизских частей // Сов. Киргизия. 1924. № 3–4. С. 29–42.

Рязанов А. Пугачевское восстание и хан Малой орды Нурали // Сов. Киргизия. 1924. № 8–9. С. 151–155.

Рязанов А. Отголоски пугачевского восстания в киргиз-кайсацкой Малой орде // Советская Киргизия. 1925. № 1. С. 88–101.

Семенюк Г. И. Оружие, военная организация и военное искусство казахов в XVII–XVIII вв. // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX веков. М.: Наука, 1969. С. 263–272.

Сокровенное сказание. М.: АН СССР, 1941.

Чулошников А. П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. 1. Оренбург: Киргизское. гос. изд-во, 1924. 290 с.

Чулошников А. Казак-киргизские кочевые орды и пугачевщина (1773–1774) // Новый Восток. 1929. № 25. С. 201–215.

References

Asfendiyarov S. D. Istoriya Kazakstana (s drevneyshikh vremen). T. 1. Alma-Ata, M., 1935, 228 p. (In Russ.).

Bekmakhanov Ye. B., Semenyuk G. I. Kazakhi v krest'yanskoy voyne 1773–1775 g.g. // Uchenyye zapiski KazGU. T. 54. Ser. istoricheskaya. Vyp. 12. Alma-Ata, 1963, pp. 59–87. (In Russ.).

Bekmakhanova N. Ye. Uchastiye kazakhov Srednego zhuza v Krest'yanskoy voyne 1773–1775 g.g. pod predvoditel'stvom Yem. Pugacheva // Istoriya, filosofiya, ekonomika. Alma-Ata, 1964, pp. 104–117. (In Russ.).

Bekmakhanova N. Ye. Otgoloski Krest'yanskoy voyny pod rukovodstvom Ye. I. Pugacheva v Mladshem zhuze (1775 g.) // Obshchestvennyye nauki. Vyp. 7. Alma-Ata, 1965, pp. 203–218. (In Russ.).

Bekmakhanova N. Ye. Uchastiye kazakhov v osade Orenburga // Obshchestvennyye nauki. Vyp. 8. Ch. 2. Alma-Ata, 1965, pp. 120–132. (In Russ.).

Bekmakhanova N. Ye. Legenda o Nevidimke: (Uchastiye kazakhov v Krest'yanskoy voyne pod rukovodstvom Pugacheva v 1773–1775 g.g.). Alma-Ata: Kazakhstan, 1968, 280 p. (In Russ.).

Bobrov L. A. O kazakhskom vliyani i kompleks vooruzheniya rossiyskikh kazakov v XVII – seredine XIX vv. // Naslediye L.N. Gumileva i sovremennaya yevraziyskaya integratsiya. Astana: Izd-vo Yevraziyskogo natsional'nogo universiteta im. L.N. Gumileva, 2012, pp. 62–64. (In Russ.).

Bobrov L. A. Rossiyskiye kazaki i stepnoy kopeynny boy XVII–XIX vv. // Istochniki po istorii kochevnikov srednevekovoy Yevrazii. Materialy VII Mezhdunarodnogo simpoziuma: Tezisy. Zvenigorod: Izd-vo Instituta vosto-kovedeniya RAN, 2013, pp. 18–19. (In Russ.).

Bobrov L. A. K voprosu ob istokakh konnogo kopeynogo boya rossiyskikh kazakov vtoroy poloviny XVII-pervoy poloviny XIV v. // Parabellum novum: Voenno-istoricheskiy zhurnal. 2014, №2 (35), pp. 115–147. (In Russ.).

Ivanin M. I. O voyennom iskusstve i zavoyevaniyakh mongolo-tatar i sredneaziatskikh narodov pri Chingis-khane i Tamerlane. Spb., 1875, 254 p. (In Russ.).

Istoriya Kazakhskoy SSR. S drevneyshikh vremen do nashikh dney // Pod red. M. Abdykalykova i A. Pankratovoy. Alma-Ata: Kazogiz, 1943, 671 p. (In Russ.).

Istoriya Kazakhskoy SSR. S drevneyshikh vremen do nashikh dney. 2-ye izd., ispr. i dop. // Pod obshch. red. I.O. Omarova i A.M. Pankratovoy. T. 1. Alma-Ata, 1949, 511 p. (In Russ.).

Istoriya Kazakhskoy SSR. T. 1. Alma-Ata: Nauka, 1957, 519 p. (In Russ.).

Kazakhsko-russkiye otnosheniya v XVI–XVIII vv. Sb. dok i mat. Alma-Ata: Nauka, 1961, 743 p. (In Russ.).

Kun K. N. Cherty voyennoy organizatsii srednevekovykh kochevykh narodov Sredney Azii // Uchen. zap. Tashk. gos. ped. i uchit. in-ta im. Nizami. Ser. obshchestv. nauk. Vyp. I. Tashkent. 1947, pp. 15–32. (In Russ.).

Levshin A. I. Opisaniye kirgiz-kaysatskikh ord i stepey. Ch. III. SPb. 1832, 304 p. (In Russ.).

Roslyakov A. A. Iz istorii voyennogo iskusstva turkmen (organizatsiya presledovaniya v voynakh turkmen v XI–XII vekakh) // Trudy Ashkhabadskogo pedagogicheskogo instituta imeni A.M.Gor'kogo. 1947. Vyp. 1, pp. 48–54. (In Russ.).

Roslyakov A. A. Osnovnyye cherty voyennoy sistemy aziatskikh stepnyakov // *Izv. Turkmen. filiala AN SSSR*. 1951. № 2, pp. 11–17. (In Russ.).

Roslyakov A. A. Voennoye iskusstvo narodov Sredney Azii i Kazakhstana v VI–XV vekakh // *Uchenyye zapiski Turkmenskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vyp. 21. Ashkhabad, 1962, pp. 185–244. (In Russ.).

Ryazanov A. Istoricheskiye predposylki k voprosu o formirovanii natsional'nykh kirgizskikh chastey // *Sovetskaya Kirgiziya*. 1924. № 3–4, pp. 29–42. (In Russ.).

Ryazanov A. Pugachevskoye vosstaniye i khan Maloy ordy Nurali // *Sovetskaya Kirgiziya*. 1924. № 8–9, pp. 151–155. (In Russ.).

Ryazanov A. Otgoloski pugachevskogo vosstaniya v kirgiz-kaysatskoy Maloy orde // *Sovetskaya Kirgiziya*. 1925. № 1, pp. 88–101. (In Russ.).

Semenyuk G. I. Oruzhiye, voyennaya organizatsiya i voyennoye iskusstvo kazakhov v XVII–XVIII v.v. // *Voprosy voyennoy istorii Rossii XVIII i pervoy poloviny XIX vekov*. M.: Nauka, 1969, pp. 263–272. (In Russ.).

Sokrovennoe skazanie. M.: AN SSSR, 1941.

Chuloshnikov A. P. Ocherki po istorii kazak-kirgizskogo naroda v svyazi s obshchimi istoricheskimi sud'bami drugikh tyurkskikh plemen. Ch. 1. Orenburg: Kirgizskoye. gos. izd-vo, 1924, 290 p. (In Russ.).

Chuloshnikov A. Kazak-kirgizskiy kochevyye ordy i pugachevshchina (1773–1774) // *Novyy Vostok*. 1929. № 25, pp. 201–215.

Сведения об авторе / About the author

Алланиязов Турганбек Кайпназарович,

кандидат исторических наук, профессор Жезказганского университета им. О. А. Байконурова. Республика Казахстан. Улытау. Жезказган. Алашахана 1Б.

Allaniyazov Turganbek K.,

Candidate of Historical Sciences, Professor of Zhezkazgan Baikonurov University. The Republic of Kazakhstan. Ulytau region. City of Zhezkazgan. Alashakhan ave. 1b.

Phone number: 87762204296.

E-mail: klio56@mail.ru

Orchid: 0000-0001-6761-1525